

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

Сарна Александр Янисович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета. E-mail: alsar.05@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена возможность использования активного общественного участия как инструмента влияния на принятие решений и гражданского контроля при отстаивании прав местных жителей в белорусских городах.

Ключевые слова: гражданский контроль, общественное участие, адвокация, инклюзивность, публичная сфера.

CIVIL ACTIVISM AND PUBLIC INITIATIVES IN THE PUBLIC SPHERE

Alexandr J. Sarna, Associate Professor, Associate Professor, Department of Social Communication, Belarusian State University

Abstract. The article considers the possibility of using active public participation as an instrument of influence on decision-making and civil control while defending the rights of local residents in Belarusian cities.

Keywords: civil control, public participation, advocacy, inclusiveness, public sphere.

Цитирование: Сарна А.Я. Гражданский активизм и общественные инициативы в публичной сфере // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 26-31

Понятие публичной сферы является сегодня одним из наиболее важных в социальных и гуманитарных науках. Оно предполагает возможность реализации представлений о справедливом общественном устройстве, правах и свободах человека, диалоге между различными социальными группами, которые выступают

на социальной сцене как достаточно автономные и инициативные публики и контрпублики, стремящиеся к реализации своих целей и достижению собственных интересов [1]. Столкновение и поляризация конкретных тактик и стратегий, которые исходят от данных социальных субъектов, приводит к возникновению ге-

терогенных политических практик, регуляция которых не всегда может осуществляться успешно с помощью имеющихся государственных институтов. В такой ситуации на сцену выходят общественные организации и гражданские инициативы, которые и стремятся достичь согласования столь разных, порой взаимоисключающих позиций.

В общественной сфере каждого города или региона можно выделить политических акторов, которые, не являясь представителями органов власти и не обладая их полномочиями, тем не менее, оказывают заметное влияние на то, какие проблемы и как здесь решаются или замалчиваются. В первую очередь речь идет не столько о роли бизнеса, сколько о разных формах общественного участия, где на уровне организованных групп действуют негосударственные организации (НГО) и общественные движения разной степени институционализации. Российские исследователи Е. Белокурова и Д. Воробьев включают в них следующие объединения:

1. Традиционные общественные некоммерческие организации, способствующие реализации социальной политики на локальном уровне зачастую еще с советских времен (советы ветеранов, общества инвалидов, подростковые клубы и т.д.).

2. Экспертные негосударственные организации, как правило, возникшие в 1990-е годы, обладающие высоким уровнем профессионализации и имеющие богатый опыт социальной экспертизы. Обычно они официально зарегистрированы и включены в республиканские и международные сети (правозащитные организации, экологические центры и другие).

3. Стихийные проблемно-ориентированные инициативы, возникающие при появлении угроз, значимых для населения в целом и/или для отдельных социальных групп. Как правило, это временные объединения граждан, которые вынуждены выступать в защиту своих прав, поскольку госструктуры в этом не заинтересованы [2]. Для этого активисты используют практику «адвокации», которая в постсоветских странах еще не нашла широкого применения.

Advocacy – термин из практики негосударственных европейских и американских правозащитных организаций. Он означает деятельность, направленную на представительство, отстаивание интересов и защиту прав определенных социальных групп. В русском языке этот термин пока не имеет устоявшегося эквивалента, поэтому используются такие понятия, как «адвокация», «эдвокаси», «адвокатирование», «лоббирование» [3]. Адвокация реализуется как процесс воздействия на людей, принимающих решения, а также на общественное мнение с целью защиты общественных интересов и прав различных социальных групп. В результате осуществляются реальные изменения в жизни людей посредством институционализации демократических процедур и «мирного внедрения» новых позитивных представлений и норм, что в идеале должно привести к более справедливому социальному порядку.

Адвокация подразумевает возможность влиять на общественные процессы, включая публичное администрирование и решения о распределении ресурсов внутри политических, экономических, социальных систем и институтов, от которых напрямую зависят условия жизни граждан. Для этого при адвокати-

ровании организуются и проводятся различные гражданские инициативы и информационные кампании, которые для массовости, как правило, охватывают сразу несколько социальных групп, у которых имеются общие интересы. В таком случае объектом воздействия адвокати-кампаний являются государственные учреждения (организации), а целью воздействия – осуществление конкретных структурных изменений (например, принятие законов) в отношении группы, интересы которой таким образом отстаиваются.

При этом следует отличать адвокату от пропаганды, так как они преследуют разные цели: первая стремится к защите прав, а вторая – к распространению сведений, формированию взглядов и убеждений. Основываясь на таких характеристиках, как изменение баланса власти и влияние на органы госуправления, адвокатура по умолчанию включается в политику как публичный процесс принятия решений. Класен и Миллер отмечают, что среди многих донорских организаций и НГО существует тенденция избегать любой активности, связанной с политической деятельностью или хотя бы напоминающей ее [3]. Однако аполитичность влияния не позволяет решить проблему социальной справедливости, так что группам адвокации не следует уклоняться от политики.

Таким образом, усилия адвокации при стремлении к социальной справедливости должны учитывать всех, кто заинтересован в ней. Чем больше кампании адвокатирования инклюзивны и открыты для присоединения разных стейкхолдеров (заинтересованных сторон), тем более эффективными они будут. В качестве примера успешной адвокати-кампа-

нии можно привести масштабную акцию республиканского масштаба «Инклюзивная Беларусь: не оставляя никого в стороне в достижении Целей устойчивого развития», которая была реализована в 2016 году. Она была инициирована представительством ООН в Беларуси в партнерстве со многими общественными организациями. Главная цель кампании заключалась в привлечении внимания к вопросам равных прав и возможностей, включения в процессы развития общества всех людей вне зависимости от возраста, пола, состояния здоровья, этнической принадлежности, религии и происхождения [4].

В современных городах общественное участие иногда проявляется и в так называемой «проблематизации», которая может сопутствовать любой стадии принятия решений и осуществляться не только через институциональные механизмы, но и через протестные действия (а в ряде случаев происходит и совмещение этих сценариев). Обычно в исследованиях развитых демократий протестное поведение в целом расценивается как вызов политической системе, не относящийся к конвенциональным формам общественного участия. Однако в России и Беларуси локальные протесты стоит рассматривать именно как проблематизацию политических решений, принимаемых или принятых ранее в рамках деятельности местных режимов управления [2].

Протесты состоят из организованных усилий и действий, основанных на категорических требованиях решения вопросов и проблем, которые были проигнорированы и отброшены, однако влияют на общественные настроения, принятие и исполнение законов для того, чтобы восстановить

справедливость. В нашей локальной политике наиболее заметными примерами такой проблематизации выступают массовые протесты, возникающие по поводу различных градостроительных и инвестиционных проектов. «Подавляющее большинство местных протестных инициатив выносит на повестку жилищные вопросы и проблемы охраны городской и природной среды. Речь идет о движениях против “уплотнительной застройки”, вырубки скверов и парков, выселения жителей из аварийного и ветхого жилого фонда, роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги или, наоборот, – в защиту прав обманутых дольщиков» [2].

В контексте проблематизации политических решений на местном уровне следует различать протесты спонтанно возникающих объединений местных жителей и коллективные действия официально зарегистрированных организаций, поскольку у них разные возможности и ресурсы для реализации своих намерений. Как правило, местные жители вовлекаются в конфликтное противостояние лишь в тех случаях, когда напрямую затрагиваются их интересы и приобретают опыт политического участия непосредственно в ходе протестных действий. Они могут защищать свой двор от застройки, предлагая построить новое здание или опасное предприятие где-нибудь в другом месте, и выдвигают свои претензии в рамках тактики, получившей название NIMBY (not in my backyard – «только не в моем дворе»).

Такие ситуации показывают, что «локальные протестные инициативы, их возникновение и эволюция связаны не только с политическими возможностями, но и с внутренней логикой развития общественных дви-

жений. Протесты преимущественно возникают там, где не работают механизмы общественного участия в выработке политического курса, из-за чего в рамках локальных режимов принимаются решения, ущемляющие права и интересы тех или иных социальных групп» [2]. При этом важную роль внутренней организации в движениях протеста играют их лидеры, которые уже участвовали в подобных акциях или судебных разбирательствах и способны возглавить инициативную группу, опираясь на свой опыт. Они также могут стимулировать поддержку своих действий со стороны НГО и различных политиков, что может радикализировать или, напротив, смягчить развитие конфликта, приведя к его разрешению в институциональных рамках.

Чтобы предотвратить развитие негативных сценариев и их радикализацию в локальных протестах, необходимо добиться смещения акцента в социальной политике на «инклюзивное» управление публичной сферой. Ориентиром может стать переход от *управления к участию*, когда государством при содействии населения должны реализовываться такие практики, которые стимулируют гражданскую инициативу «снизу» – партиципация, кооперация и коммуникация между стейкхолдерами. В таком случае реализуется формат «коалиционных политических режимов», совмещающий практики местного самоуправления и партиципативного планирования на основе устойчивой сети формальных и неформальных коммуникаций между акторами, обладающими доступом к необходимым для управления ресурсам.

Однако ситуация осложняется тем, что возможность установления партнерских отношений между по-

литико-административными элитами и негосударственными акторами затруднена ввиду слабости либерально-демократических традиций и институтов гражданского общества, отсутствия независимой правоохранительной и судебной системы, расширения бюрократического контроля и сужения сферы публичной политики. В итоге гражданская активность, особенно у молодежи, смещается «в плоскость более или менее приватной повседневной гражданственности и эмоционально окрашенного патриотизма. Повседневная гражданственность – это гражданственность малых дел. Имеется в виду, что [человек действует], во-первых, в контексте своей группы, которой он доверяет и которая разделяет его ценности и идеи, а, во-вторых, исключительно в той мере, в которой он может что-то изменить. Государственная же политика воспринимается как нечто чуждое и далекое: то, в чем ему нет места, потому что нельзя ни на что повлиять» [5].

Так, в Беларуси доверие к органам госуправления существенно снизилось после принятия декрета номер 1, направленного на предотвращение «социального иждивенчества» и последовавших в 2017 году массовых протестов против его реализации. В итоге пришлось пересматривать положения декрета и дорабатывать его, применяя принцип «дойти до каждого», известный еще с советских времен. Однако, как отмечает А. Класковский, эти усилия «будут иметь ограниченный эффект. Ведь сама система белорусской вла-

сти порочна в том плане, что у нас нет самоуправления, децентрализации» [6]. В таких случаях активная общественность может брать на себя функции контроля за происходящими процессами и вмешиваться в них, когда посчитает это возможным.

Так, в феврале-марте 2017 года произошел инцидент в Куропатах под Минском, когда застройщик бизнес-центра попытался начать строительные работы в непосредственной близости от мест захоронения жертв сталинских репрессий. Однако в дело вмешались активисты – инициативу взяла на себя общественная организация «Молодой фронт», устроив акции протеста, которые нашли поддержку у местных жителей. В итоге строительство бизнес-центра пришлось остановить и застройщик свернул все работы на объекте [7].

Буквально в это же время произошло ЧП на строительстве жилого комплекса «Маяк Минска», когда обрушилась опалубка возводимого второго этажа в одном из зданий. Застройщик попытался замаять скандал и дал ложную информацию о «планируемом демонтаже», однако свидетели происшествия разместили в интернете фотоснимки со стройплощадки, разоблачая ложь и вызывая проверку со стороны Госстройнадзора [8]. Эти случаи свидетельствуют о возможностях активного участия общественности в разрешении конфликтов и вмешательстве в ситуацию на локальном уровне, однако об их влиянии на принятие управленческих решений государственного уровня в целом говорить пока не приходится.

Библиографический список

1. Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – 360 с.

2. Белокурова Е., Воробьев Д. Общественное участие на локальном уровне в современной России / Е. Белокурова, Д. Воробьев. – URL: <http://nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1760/1768/index.html> (дата обращения 08.04.2018).

3. Адвокация: власть и участие народа. Пособие для работников по адвокации и социальной справедливости. – URL: <https://www.slideshare.net/Evlampieva4life/ss-25850751> (дата обращения 08.04.2018).

4. Бушик С., Ходор Е., Войтик А., Судников А. Железнодорожный вокзал в Минске пел и танцевал. Финишировала кампания «Инклюзивная Беларусь» / С. Бушик, Е. Ходор, А. Войтик, А. Судников. – URL: <https://news.tut.by/society/523267.html> (дата обращения 08.04.2018).

5. Взятышева В. «Это молодежь с высоким ощущением опасности»: социолог Е. Омельченко – о том, почему 18-летние доверяют президенту и как изменились современные субкультуры / В. Взятышева. – URL: https://paperpaper.ru/campus/omelchenko/?utm_source=meduza&utm_medium=partners&utm_campaign=friends (дата обращения 27.03.2018).

6. Печенко С. Как Кочановой повернуть власть лицом к народу? Эксперты оценили и дали пошаговую инструкцию / С. Печенко. – URL: https://gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=132689 (дата обращения 08.04.2018).

7. Стройка остановлена, лагерь свернут: противостояние в Куропатах закончено. – URL: https://news.tut.by/economics/534163.html?utm_source=news.tut.by&utm_medium=news-bottom-block&utm_campaign=relevant_news (дата обращения 08.04.2018).

8. Журавлевич, С. Госстройнадзор приостановил строительство дома в «Маяке Минска» / С. Журавлевич. – URL: <https://realty.tut.by/news/offtop-realty/533616.html> (дата обращения 08.04.2018).